

LUBOR MATEJKO

О ЗНАЧЕНИИ ПЕРЕПИСКИ ДЛЯ ПОЛИФОНИИ В ИСТОРИИ СЛАВИСТИКИ: ПРИМЕР ЗАБЛУЖДЕНИЙ И ОШИБОК

Коллеге Штефану Швагровскому к 80-летнему юбилею

Абстракт

Представлены два примера ошибок, в понимании которых важную роль играет личная переписка. Сосуд с загадочной надписью, который в словацкой славистике XIX в. ложно интерпретировался как кирилло-мефодиевский памятник, является примером заблуждения, поддерживающего функционирование мифа в науке. Иной пример – ошибка как нарушение нормы, допущенная заведомо с целью разрушить миф. В этой связи представлена известная статья А. В. Исаченко о Новгороде, которая в свое время вызвала и все еще вызывает противоположные мнения. Приводятся пока не опубликованные письма, проливающие свет на обстоятельства возникновения данного текста, на его трактовку самим автором и на его значение в истории славистики.

Ключевые слова

история славистики ■ переписка ■ ошибки и наука ■ П. Крижко ■ А. В. Исаченко

Abstract

Mistakes and errors are presented in the article by two examples documenting the important role of personal correspondence for their understanding. A baptismal dish with enigmatic inscription mistakenly interpreted in 19th century by Slovak slavistics as a trace of Cyrillo-Methodian heritage is discussed as an example of the error supporting the persistence of a myth in the science. Further another example is discussed: a mistake as a violation of the norm with intention of subverting a myth. In this context the famous article about Novgorod by A. V. Isačenko is indicated which has provoked and still provokes contradictory opinions. Several hitherto unpublished letters are cited to document the circumstances of its creation, its interpretation by the author himself and its value in the history of slavistics.

Key words

history of slavistics ■ correspondence ■ errors and science ■ P. Križko ■ A. V. Isačenko

Ошибка – особый феномен и представляет собой ключевой вопрос гносеологии со времен античности, но нам здесь не стоит вдаваться в тонкости философской трактовки, вполне достаточно будет огра-

ничиться весьма практичной формулировкой: т.е., говоря об ошибке, мы обычно подразумеваем отклонение от нормы или ее нарушение. В данной статье речь пойдет о двух таких нарушениях нормы – об одном заблуждении и об одной ошибке. Хотя эти нарушения принципиально отличаются, в обоих случаях мы имеем дело с нарушением нормы, ибо слависты отклонились от элементарных принципов науки, и в обоих случаях играет важную роль личная переписка.

Начну с примера, который выбран из истории словацкой славистики, но, конечно, похожие случаи можно было бы найти не только в славистике и не только в словацкой науке. Данный случай связан с именем архивиста города Кремница, Павла Крижко, довольно много публиковавшегося в словацких журналах XIX в. и написавшего множество статей, основанных, главным образом, на материале городского архива. Правда, в истории славистики с его именем связан и достаточно яркий сюжет – находка якобы рунической славянской надписи на горе Велестур над городом Кремница. Естественно, когда выяснилось, что надпись – чистая мистификация, имя Крижко приобрело дурную репутацию. Этим и объясняется, что почти не известной и забытой осталась еще одна находка загадочной надписи, о которой написал Крижко. На этот раз надпись должна была быть обнаружена на церковном сосуде, в свое время находившемся в доме кремницкого священника. Крижко о ней докладывал в кратком сообщении в журнале Сокол (Trihranský, 1866, 107). Автор здесь не дает анализа надписи, но зато подчеркивает ее загадочность и недвусмысленно указывает, что сосуд надо понимать как след деятельности миссии Кирилла и Мефодия.

В последующих десятилетиях на памятник, столь важный по указаниям Крижко, никто не обращал внимания. Он остался бы незамеченным и мною, если бы не было свидетельства очевидца достаточно авторитетного, чтобы не сомневаться в реальности существования надписи: И. Срезневского. Ему сосуд показали во время его путешествия по Словакии, и он о нем упоминает в одном неоконченном (и, наверное, даже неотправленном) письме Л. Штура 1842-го г., где пишет: *starinnyj sosud dlja kreščenija, v ktorom krugom okolo obraza blagověščeniya vyčekaneno četyre raza něponjatnoje slovo ПАМЕУ+ШИБ*¹ (Matula, 1999, письмо XI, 71). Издатель переписки Штура счел интересным включить письмецо, которое нашел в рукописном наследии И. Срезневского, благодаря чему сегодня можно

¹ Срезневский написал текст на латинице.

убедиться, что сосуд с загадочной надписью, о которой когда-то писал Крижко, – на этот раз не вымысел.

Правда, нейтральная формулировка Срезневского дает понять, что он не считал сосуд чрезвычайно важной славянской древностью, и на основании анализа всех доступных фактов, относящихся к сосуду, можно отметить, что отсутствие энтузиазма у Срезневского вполне объяснимо. В данном случае мы имеем дело с типичным изданием немецких мастерских XVI-XVII вв. Таким образом, говорить о кирилло-мефодиевском наследии здесь смешно, и ошибку Крижко нельзя квалифицировать иначе, чем еще одно заблуждение, связанное с гипотезой о непрерывности кирилло-мефодиевской традиции у словаков. Гипотеза была составной частью идеологии словацкого национального движения, и заблуждению Крижко в таком контексте не приходится удивляться. Однако несколько поражает, что некоторые словацкие слависты и в начале XXI в. не способны пересмотреть этот тезис и удалить его в сферу национальных мифов.²

Другой пример отклонения от нормы, о котором я буду говорить, трудно назвать заблуждением, но часть славистов – причем среди них были и наиболее авторитетные личности мировой славистики – считали его ошибкой. Правда, в отличие от предыдущего случая, на этот раз принципы научности нарушены не ради того, чтобы поддержать миф, а наоборот, чтобы разрушить его. Таким образом – как это ни парадоксально – „ненаучность“ призвана способствовать более последовательному применению научных путей познания.

Мой выбор был определен и тем фактом, что данный пример позволяет запустить в оборот новый, пока не опубликованный архивный материал из рукописного наследия А. Исаченко. Как известно, замечательный лингвист часто выступал как достаточно острый оппонент, и понятно, что в его письмах есть много полемических строк, разоблачающих идеологизированные и стереотипные схемы в науке. И именно в борьбе против таких схем Исаченко и написал статью, которая впоследствии стала чрезвычайно известной и которую некоторые слависты считали ошибкой. Однако, вопреки своей „ошибочности“, она оказала значительное влияние на развитие славистики. Речь идет о статье, в которой автор пытается ответить на вопрос, что было бы, если бы в конце XV в. Новгород победил Москву. Его „мысленный эксперимент“ – как сам Исаченко называет

² Подробнее с библиографическими данными ср., например, Matejko, 2009, 407.

свою статью – нарушает норму „научности“ в том смысле, что задает спекулятивный вопрос „что было бы, если“; правда, его целью было представить хорошо известные события в совершенно новой перспективе. Мысленный эксперимент Исаченко был принят неоднозначно: для одной части славистической элиты он представлял свежее вдохновение, для другой – это было нарушение нормы, которое никак нельзя оправдать. И надо сказать, что разграничение мнений не обязательно копировало политические границы, определяемые железным занавесом.

Статья вышла в сборнике австрийских докладов для варшавского съезда славистов, и в корреспонденции Исаченко эта тема представлена в ряде писем 1973-го и 1974-го гг.³ Начну с обзора реакций, который сделал сам Исаченко в письме Л. Дюровичу от 29-го октября 1973-го г.:

...dostal som list od B. A. Uspenského, kt.(orého) som bol požiadal o spoluprácu v Editorial Board. Odpoveď naprosto a jednoznačne kladnú. A tá Gerta začali mi hovoriť, že ja tím škodím „diesem herrlichen Menschen“, a to svojou „unwissenschaftlichou“ sta’ou. Dopálilo ma to a povedal som, prečo ona nevystúpila vo Varšava, keď hovorili Chrapčenko alebo Bilodid alebo kdokoľvek zo sočrealistov a neusvedčila ich z nevedeckosti, ak sa naraz tvári ako taká ochrankyňa vedy. Bolo by došlo k otvorenému krachu, keby ona sa nebola omluvila. Uspenskij bol vo Varšava, videl ten tiátr; vie presne, čo som písal a rozhodol sa až potom. Vie predsa, čo robí. Podotýkam, že práve od mladých Sovietov som dostal nadšené príписы, nehovoriac o Kiparskom, Gyde, L’hermitte, Bonamour a azda dvoch tuctov iných rusistov (i z Nemecka, Kanady a USA). Wiener slav. Jahrbuch XVIII sa stalo best-sellerom a už nezostalo ani jedno číslo. Vraj Sov.(ieti) to mali organizované: ako hlavný oponent a zničiteľ bludov sa mal prejavit’ práve Bilodid. Ale v deň odchodu z Moskvy vraj „ochorel“ (serce stalo pošalivať) a B. nešiel. Sú pravda jedinci, ktorí nepríliš veria v nemoc B. (zo správ Kopeckého).

Письма Леонтия В. Копецкого, которые здесь упоминаются, также сохранились. Его тексты очень своеобразны и, очевидно, были доставлены из Праги каким-то секретным путем: они чрезвычайно

³ Процитированные ниже письма хранятся в семейном архиве дочери А. В. Исаченко, д-ра Варвары Кюнельт-Леддин. Пользуюсь возможностью выразить ей здесь искреннюю благодарность за любезное гостеприимство и предоставленную мне возможность ознакомиться с архивом. Следует отметить, что письма, написанные А. В. Исаченко, доступны в архиве в машинописных копиях. Отправленные оригиналы писем Л. Дюровичу, по всей вероятности, можно найти в богатой коллекции корреспонденции слависта в музее города Скалица, где я с ней предварительно ознакомился в феврале 2011 г., но пока не успел ее исследовать. Благодарю Л. Дюровича за помощь в связи с декодировкой имен славистов.

насыщены информацией, но в своеобразной кодировке – автор часто прибегает к метафорическим образам. Так варшавский съезд славистов 1973-го г. здесь обозначается как Витольд-бал (имеется ввиду Витольд Доросhevски, главный организатор съезда), а для обозначения участников съезда повсеместно используются акронимы. Б. А. Успенский выступает под именем Богоявленский или Почиваев, Р. Мразек – Оттепелкин, Б. Гавранек – Воронков, I. К. Белодед – Чернобаба, Ф. П. Филин – Совин и т. п. В письме от 29-го сентября 1973-го года Копецкий пишет:

*Кстати о Витольд-бале. Вы конечно имели о нём богатую информацию, но м.(ожет) б.(ыть) кое-что и не знаете.
„Мысленный эксперимент“ внес большое возбуждение. Была подготовлена группа для разгрома взгляда, возглавляемая Чернобабой, но накануне предполагавшегося отъезда на бал стало Чернобабу беспокоить сердце, и он не поехал. О состоянии его здоровья не все уверенно высказывались.
Все выступали более или менее нейтрально, и только Воронков был „без лести предан“ и старался петь в тон.*

В письме от 26 ноября 1973-го г. Леонтий В. Копецкий еще раз возвращается к теме:

... прошло уже три месяца после предприятия Витольда Антоновича, а я все надеялся, что где-нибудь почувствую новый славистический этап, хоть словцо. А тут ничего, как и не было... На описательной гр. ... Чернушкин говорил о привете из Румынии, но насчет „эксперимента“ – не знаю, искренне или в ожидании профессуры – высказывался с огорчением. Я не спорил, потому что погода осенняя, непостоянная, и настроение тоже. А так, я думаю, для большинства это по существу понятно, особенно историкам. Часто в связи с поднятой тематикой заглядываю в пособия по старой русской литературе... Прочитал и несколько новгородских повестей интересующего Вас времени. Также интересно... Все как-то по-иному воспринимается. Большой разговор на эту общую тему был с Совиным, тот даже некоторые вещи принимал полностью, но сносило течение, внутреннее, в старое русло...

В письме А. В. Исаченко от 17-го ноября 1974-го г. молодому аспиранту Института славистики и балканистики АН в Москве, Георгию Ахилловичу Левинтону, приводятся интересные детали о том, как отнесся к „новгородскому“ вопросу Роман Якобсон:

... хочу Вас уведомить о том, что Роман Осиповч, что называется, рвал и метал и даже высказывал сомнения о возможности общения с типом, лишённым элементарных научных устоев. Я этого до сих пор не могу понять (т.е. глубинной структуры), т.к. еще с двадцатых годов мы с ним дружили,

он мне во многом помогал и ведь не лишен юмора. Хочу все же добавить, что статья была вызвана отнюдь не желанием убедить кого-либо научными аргументами, а скорее необходимостью кое о чем напомнить.

Конечно, отношения между Исаченко и Якобсоном были намного сложнее, чем может показаться из несколько упрощенной характеристики Исаченко, и именно в этом контексте, вероятно, следует воспринимать и тот факт, что Роман Якобсон принадлежал к тем, кто считал статью Исаченко ошибкой.

Наконец, еще одна цитата из письма А. Исаченко Л. Дюровичу от 29-го октября 1973-го г.:

Vraciam sa k tématike Novgorod-Moskva. Myslím, že som skutočne dosiahol to, čo som chcel, aby totiž si niekdo pomyslel na to, čo bolo pred piatimi rokmi, aby pochopili, že sú opovrhovaní a že neplatí všade rozkaz Kremľa. Najviac ich dráždila aziatsčina a potom samoderžci a samozvanci. A hlavne: niet tam ani jednej vety, ktorá sa vzťahuje explicitne na prítomnosť, hoci každému je jasné, o čo ide.

Очевидно, что в переписке не раз подчеркивается актуализационный момент в связи с годовщиной событий в Чехословакии 1968-го г. Однако стоит отметить, что эта статья была вновь переиздана в 1998-ом г. в Вестнике Российской Академии наук и опять вызвала полемический отклик. Кажется, что она не потеряла своей актуальности даже спустя четверть века после ее написания, и это не должно вызывать удивление: спрашивать „что было бы, если“ не считается „научным“, но зато это совершенно естественно; и более того, как декларировал сам Исаченко, целью его размышлений не была лишь спекуляция: наоборот, он хотел на фоне того, что могло быть, показать сущность того, что на самом деле произошло. И это сделано с типичным для него педагогическим мастерством и чувством юмора.

Литература

- Matula, 1999 – Matula, V.: *Listy Ludovíta Štúra. IV. Dodatky*. Братислава 1999.
Matejko, 2009 – Matejko, Ľ.: *Poznámky o najstaršej cyrilskej rukopisnej pamiatke zo Slovenska*. – В: *Slavia*, 78, № 3–4 (2009), стр. 407–411.
Trihranský, 1866 – Trihranský: *Starobylý nápis*. – В: *Sokol*, V, 1866, стр. 107–108.

РЕЗЮМЕ***О ЗНАЧЕНИИ ПЕРЕПИСКИ ДЛЯ ПОЛИФОНИИ В ИСТОРИИ СЛАВИСТИКИ: ПРИМЕР ЗАБЛУЖДЕНИЙ И ОШИБОК***

Заблуждение и ошибка представлены в статье на примере двух случаев: в обоих мы имеем дело с нарушением нормы, ибо слависты отклонились от элементарных принципов науки, и в обоих играет важную роль личная переписка, так как критический анализ возможен именно благодаря данным, сохранившимся в письмах. Указанные случаи принципиально отличаются тем, что один из них представляет собой пример заблуждения, поддерживающего дальнейшее функционирование мифа в науке, в то время как другой является нарушением нормы, допущенным заведомо, как раз с целью разрушить миф.

Примером заблуждения, поддерживающего дальнейшее функционирование мифа в науке, является сосуд с загадочной надписью, который в словацкой славистике XIX в. ложно интерпретировался как кирилло-мефодиевский памятник. Гипотеза о непрерывности кирилло-мефодиевской традиции у словаков была составной частью идеологии словацкого национального движения, поэтому такое толкование в XIX в. вполне уместно, но несколько поражает, что некоторые словацкие слависты не способны удалить этот тезис в сфере национальных мифов и в начале XXI в.

Пример ошибки как нарушения нормы, допущенного заведомо с целью разрушить миф, представлен статьей А. В. Исаченко о Новгороде, которая в свое время вызвала и все еще вызывает противоположные мнения. В данном случае – как это ни парадоксально – „ненаучность“ призвана способствовать более последовательному применению научных путей познания. Не опубликованные пока письма из корреспонденции А. В. Исаченко проливают свет на обстоятельства возникновения данного текста, на его трактовку самим автором и на его значение в истории славистики.

SUMMARY***ON THE VALUE OF CORRESPONDENCE FOR THE POLYPHONY IN THE HISTORY OF SLAVISTICS: THE CASE OF MISTAKES AND ERRORS***

Mistake and error are presented in the article by two examples: they both represent a violation of the scientific norm because the basic principles of what is understood as a scientific work were neglected by slavists and in both a personal correspondence plays an extraordinary role, since the critical analysis is possible namely thanks to the data presented in the letters. Nevertheless, in one point the two cases differ fundamentally: one represents an example of the error supporting a persistence of myth in science, the another one a violation of the norm caused by the intention of subversioning a myth.

A baptismal dish with enigmatic inscription mistakenly interpreted in 19th century by Slovak slavistics as a trace of Cyrillo-Methodian heritage is to be discussed as the first case example. Hypothesis on the continuation of Cyrillo-Methodian tradition amongst

Slovaks was a part of the ideology of the Slovak national movement, so such an interpretation in 19th century can be understood well, nevertheless somewhat surprising is that some slavists are not able to review this thesis critically and to remove it to the sphere of national myths in the 21st century.

As an example documenting the violation of the scientific norm for subversioning a myth is the famous article on Novgorod written by A. V. Isačenko indicated. Isačenko's text has provoked and still provokes contradictory opinions. In this case – paradoxically – „unscientificness“ serves as a call for more science (and less ideology) in slavistics. Several hitherto unpublished letters are cited to document the circumstances of the creation of the article, its interpretation by the author himself and its value in the history of slavistics.